

ИРРЕГУЛЯРНЫЕ ФОРМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИГОРСКОГО И ИРОНСКОГО ДИАЛЕКТОВ)

Искра Нартовна Цаллагова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел осетинского языкознания, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0001-7844-8321>; czallagon@mail.ru

В статье рассматривается словоизменительная категория множественного числа в осетинском языке. Для анализа привлечен языковой материал иронского и дигорского диалектов. Актуальность рассматриваемой проблемы обоснована тем, что изучение категории числа, в особенности иррегулярных форм образования множественного числа, которые выпадают за рамки грамматической закономерности, имеет большое значение не только для осетинского языкознания, но и для общей теории языка. Данное исследование представляет собой первую попытку сравнительно-сопоставительного анализа иррегулярных форм множественного числа в иронском и дигорском диалектах осетинского языка, чем и обусловлена ее новизна. Целью данного исследования является определение регулярности / иррегулярности форм множественного числа в дигорском и иронском диалектах осетинского языка. В работе были использованы такие методы лингвистического исследования, как описательный, сравнительно-сопоставительный, методика внутренней реконструкции диалектной лексики с целью выявления более архаичных форм. Материалом исследования послужил языковой материал, собранный в ходе диалектологических экспедиций, проведенных автором в 2015-2018 гг. Исследование показало, несмотря на то, что грамматическая категория числа в осетинском языке проявляет себя достаточно регулярно, существует ряд форм, которые выпадают за рамки морфологической закономерности. Выявленные в ходе исследования иррегулярные формы имеют особую важность для диахронического исследования осетинского языка. Так, ныне практически полностью архаизированные формы множественности с вставкой –æл (сохранились только ир. мадæлтæ, фыдæлтæ, æрвадæлтæ / диг. маддæлтæ, фиддæлтæ, æрваддæлтæ) могут быть показателем того, что данный формант мог представлять собой формы собирательного значения для обоих диалектов осетинского языка (диг. дзурдтæлтæ, цихтæлтæ, сугъдтæлтæ).

Ключевые слова: осетинский язык, дигорский диалект, грамматика, категория множественного числа, иррегулярные формы множественности.

Для цитирования: Цаллагова И.Н. Иррегулярные формы множественного числа в осетинском языке (на материале дигорского и иронского диалектов) // KAVKAZ-FORUM. 2024. Вып. 18(25). С. 37-47. DOI: 10.46698/VNC.2024.25.18.002

Введение

Грамматическая словоизменительная категория единственного и множественного числа свойственна большинству языков мира. В большинстве случаев «...единственное число выражается нулевой флексией, тогда как оформление неединственного числа обычно обсуждается в терминах различия» [1, 39].

В дигорском и иронском диалектах осетинского языка «...категория единственного числа существительных также является немаркированной, однако в нем существует особая форма образования множественного числа с помощью форманта *-m/-t- (-mæ-* в именительном падеже)» [1, 40].

Данный способ формообразования представляется «...образованием множественного числа с помощью агглютинативного элемента. При этом, достаточно закономерным для осетинского языка является то, что показатель значения множественности в большинстве случаев привязан к основе. Возможно, отмеченную закономерность в осетинском языке отражает следование падежных флексий за формантом числа» [1, 40] (См. табл. №1).

Таблица №1

Падежи	<i>Рувас / робас – «лиса (ед.ч.)» Рувæстæ / робæстæ – «лисы (мн.ч.)»</i>		<i>Хъæд / гъæдæ «лес (ед.ч.)» Хъæдтæ / гъæдтæ «леса (мн.ч.)»</i>	
	Ир.	Диг.	Ир.	Диг.
NOM	<i>рувæс-т-æ</i>	<i>робæс-т-æ</i>	<i>хъæд-т-æ</i>	<i>гъæд-т-æ</i>
GEN	<i>рувæс-т-ы</i>	<i>робæс-т-и</i>	<i>хъæд-т-ы</i>	<i>гъæд-т-и</i>
DAT	<i>рувæс-т-æн</i>	<i>робæс-т-æн</i>	<i>хъæд-т-æн</i>	<i>гъæд-т-æн</i>
ALL	<i>рувæс-т-æм</i>	<i>робæс-тæ-мæ</i>	<i>хъæд-т-æм</i>	<i>гъæд-тæ-мæ</i>
ABL	<i>рувæс-т-æй</i>	<i>робæс-т-æй</i>	<i>хъæд-т-æй</i>	<i>гъæд-т-æй</i>
IN	<i>рувæс-т-ы</i>	<i>робæс-т-и</i>	<i>хъæд-т-ы</i>	<i>гъæд-т-и</i>
SUPER	<i>рувæс-т-ыл</i>	<i>робæс-тæ-бæл</i>	<i>хъæд-т-ыл</i>	<i>гъæд-тæ-бæл</i>

EQU	<i>рувæс-т-ау</i>	<i>робæс-т-ау</i>	<i>хъæд-т-ау</i>	<i>гъæд-т-ау</i>
COMIT	<i>рувæс-т-имæ</i>	–	<i>хъæд-т-имæ</i>	–

В таблице №1 наглядно продемонстрирована позиционная закономерность – основа + формант множественности *-т-* + падежное окончание. Однако в осетинском языке наблюдается и обратный порядок.

Так, О. Беляев отмечает «...нерегулярное образование форм множественного числа вопросительных местоимений: в отличие от существительных, показатель числа следует за показателем падежа, причем в номинативе имеет форму *-тæ*, а во всех остальных падежах – *-ты /-ти*» [2, 36] (См. табл. №2).

Таблица №2

Склонение вопросительных местоимений множественного числа в иронском и дигорском диалектах осетинского языка

Падежи	<i>читæ / катæ «кто (мн.ч.)»</i>		<i>цытæ/цитæ «что (мн.ч.)»</i>	
	Ир.	Диг.	Ир.	Диг.
NOM	<i>читæ</i>	<i>катæ</i>	<i>цытæ</i>	<i>цитæ</i>
GEN	<i>кæйтты</i>	<i>кети</i>	<i>цæйтты</i>	<i>цити, цæйти</i>
DAT	<i>кæмæнты</i>	<i>кæмæнти</i>	<i>цæмæнты</i>	<i>цæмæнтæн</i>
ALL	<i>кæмæты</i>	<i>кæмити</i>	<i>цæмæты</i>	<i>цæмити</i>
ABL	<i>кæмæйтты</i>	<i>кæмæйти</i>	<i>цæмæйтты</i>	<i>цæмæйти</i>
IN	<i>кæмыты</i>	<i>кæмити</i>	<i>цæмыты</i>	<i>цæмити</i>
SUPER	<i>кæуылты</i>	<i>кæбæлти</i>	<i>цæуылты</i>	<i>цæбæлти</i>
EQU	<i>кæйауты</i>	<i>кейаути, кети-ау</i>	<i>цæйауты</i>	<i>цæйаути, цитийау</i>
COMIT	<i>кæимæты</i>	–	<i>цæимæты</i>	–

Несмотря на это, нормы данного словоизменительного процесса достаточно регулярны в осетинском языке, однако сама система присоединения к основе существительного довольно сложна и часто не подчинена существующим нормам, а иногда и сложно объяснима. Особую

фооновую роль в этом играет и диалектное варьирование в рамках осетинского языка.

Так, скажем, дигорское *мæнкъæйтæбæл* / *минкъийтæбæл* – по своему значению аналогично русскому наречию меры и степени «чуть было»: *Мæнкъæйтæбæл хаудтæн* / Чуть не упал; *Сувæллон мæнкъæйтæбæл цавта æхе* / Ребенок чуть не ударился; *Мæнкъæйтæбæл дууæ машини кæрæдзей цавтонцæ* / Две машины чуть было не столкнулись. Образовано от прилагательного, которое при этом имеет несколько вариантов произношения *мæнкъæй* / *минкъий* / *мæнгæй* / *мингий* «маленький, мало». Кроме этого, данное прилагательное может подвергаться адвербиализации и служить в языке в качестве количественного наречия. Итак, мы имеем в качестве основы прилагательное (или адвербиализированное наречие) + показатель множественности *-m-* (*тæ*) + окончание местно-внутреннего падежа *-бæл*. Исходя из контекстуального значения, не совсем понятно, какую функцию в данной конструкции выполняют формант множественности и падежная форма. Скорее всего мы имеем дело с застывшей древней формой, которая сложно объяснима с позиции современного осетинского языка.

Основная часть

В осетинском языке при переходе из категории единичности в категорию множественности в основах происходят различные преобразования, которые часто имеют нерегулярный характер, это касается обеих основных форм осетинской речи.

К наиболее частым можно отнести: чередование конечного согласного в корне, геминацию как конечной согласной основы, так и форманта множественности *-m-* / *-тæ*, ослабление гласного в корне, вставку связывающей гласной для разведения группы согласных звуков.

Для полноты картины мы подробнее рассмотрим все возможные преобразования в дигорских и иронских формах.

Образование множественного числа происходит без каких-либо изменений в основе

Непосредственно к основе в обоих диалектах суффикс множественности *m* прибавляется к словам, которые оканчиваются в ед.ч. на одиночный гласный, согласный и полугласный (См. таблицу №3).

Таблица №3

Иронские формы		Дигорские формы	
Ед.ч.	Мн.ч	Ед.ч	Мн.ч.
<i>къух</i>	<i>къухтæ</i>	<i>къох</i>	<i>къохтæ</i>

<i>фæткъуы</i>	<i>фæткъуытæ</i>	<i>фæткъу</i>	<i>фæткъутæ</i>
<i>кæрдо</i>	<i>кæрдогæ</i>	<i>кæрдту</i>	<i>кæрдтутæ</i>

Ослабление сильных гласных *a* и *o* в *æ*

При образовании множественного числа во многих словах в обоих диалектах происходит ослабление сильных гласных *a* и *o* в *æ* (См. таблицу №4).

Таблица №4

Иронские формы		Дигорские формы	
Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
<i>рувас</i>	<i>рувæстæ</i>	<i>робас</i>	<i>робæстæ</i>
<i>магъз</i>	<i>мæгъзтæ</i>	<i>магъз, хъанз</i>	<i>м æ г з т æ , хъæнзтæ</i>
<i>аг</i>	<i>æгтæ</i>	<i>агæ</i>	<i>æгтæ</i>

Геминация форманта множественности *t*

В словах, исходящих на сонорные *p, l, m, n* и на полугласные *ÿ* и *y*, происходит геминация форманта множественности (См. таблицу №5).

Таблица №5

Иронские формы		Дигорские формы	
Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
<i>хæдзар</i>	<i>хæдзæрттæ</i>	<i>хæдзарæ</i>	<i>хæдзæрттæ</i>
<i>ном</i>	<i>нæмттæ</i>	<i>ном, нон</i>	<i>н æ м т т æ , нæнттæ</i>
<i>хал</i>	<i>хæлттæ</i>	<i>халæ</i>	<i>хæлттæ</i>

При этом в иронском перед удвоенным формантом множественности согласный *n* выпадает (**исключение:** *æфсон / æфсæнттæ* «причина»; *фæндон* «желание» / *фæндæттæ, фæндонтæ*), а в дигорском сохраняется: диг. ир. *кæрон* / ир. *кæрæттæ* / диг. *кæрæнттæ* «конец / концы»; диг. *ронæ* / *рæнттæ* – ир. *рон* / *рæттæ*; диг. ир. *дон* / *дæттæ* / *дæнттæ*; ир. диг. *ирон* – диг. *ирæнттæ* / ир. *ирæттæ* «осетин / осетины». Кроме этого, в дигорском происходит удвоение в словах, исходящих на *æ фæсалæ / фæсæлттæ* «луговой мятлик»; *æмгарæ / æмгæрттæ* «ровесник / ровесники»; *халæ / хæлттæ* «нить / нити» [3, 130].

Вставка гласного звука (в иронском – *ы*, в дигорском – *и*, *у*)

В иронском в словах, исходящих на *хъ* или на группу согласных с конечным звонким, вставляется звук *ы*: *дзыхъхъ / дзыхъхъытæ* «яма, ямы»; *мæлхъ / мæлхъытæ* «павлин, павлины»; *рæнхъ / рæнхъытæ* «ряд / ряды»; *фæрв / фæрвытæ* «ольха»; *тæлм / тæлмытæ* «полоса, полосы» и т.д.

Исключение: *зæнг / зæнгтæ* «колени», *уæнг / уæнгтæ* «член, члены».

Кроме этого, гласная *ы* вставляется в односложных словах с конечным сочетанием согласных *ндз, рв, рм, зг*: *чындз / чындзытæ* «невеста, сноха»; *бындз / бындзытæ* «мухи»; *цырв / цырвытæ* «дрожжи»; *куырм / куырмытæ* и т.д.

Исключение: *фындз / фындзтæ* «нос, носы»; *рындз / рындзтæ* «выступ».

В дигорском диалекте осетинского языка «...вставка гласного *и* или *у* между основой и показателем множественного числа *-т(æ)* происходит в следующих случаях» [4, 46]:

1) в том случае, если в конце основы происходит группировка согласных, вставка гласной облегчает произношение: *зуст – зуститæ* «угроза / угрозы», *тугъд – тугъдтитæ* «война / войны», *цард – цардтитæ* «жизнь / жизни», *къæрци – къæрцитæ* «треск, стук / стуки»; *къиллипп – къиллиппитæ* «лягание, брыкание, прыганье», *къæртт – къæрттитæ* «трещина / трещины».

Однако Ф.М. Таказов указывает на то, что «...под данную закономерность не попадают слова, основа которых оканчивается на группы согласных: *-ргъ, -лгъ, -рг, -рд, -рб, -рв, -рс, -рз, -рт, -нд, -нт, -нг*: *уаргъ – уæргътæ* «груз, ноша», *марг – мæргтæ* «яд / яды», *арв – æрвтæ* «небо / небеса», *фарс – фæрстæ* «стена / стены; сторона / стороны», (но *арс – æрситæ* «медведь», *тæрсæ – тæрситæ* «чинара»), *харз – хæрзтæ* «расход / расходы», *фурт – фурттæ* «сын / сыны, сыновья», *цард – цардтитæ* «жизнь / жизни»» [4, 47].

В данном случае мы опять сталкиваемся с нерегулярностью данного явления, так как группировка согласных в конце слова – не обязательное условие для появления гласной между формантом множественности и основы.

2) часто вставка гласной происходит в причастиях прошедшего времени на *-д*: *мард* «мертвый; мертвец; труп» – *мæрдтæ* «мертвецы» – *мæрдтитæ* «убитые; погибшие»; *калд* «сваленный» – *кæлдтæ* – *кæлдтитæ*; *над* «избиение» – *нæдтитæ*; *над* «тропа, дорога» – *нæдтæ*; *дзурд* «слово» – *дзурдтæ* «слова» – *дзурдтитæ* «высказывания».

При этом нужно отметить, что в некоторых словах вставка ир. *-ы-,* диг. *-и-, -у-* при образовании формы множественного числа выполняет смысловозначительную функцию. Так, слово ир. диг. *мард* означает «мертвый; мертвец; труп», однако появление вставки ир. *ы* или диг. *и* указывает на другое значение *мæрдтытæ / мæрдтитæ* «убитые; погибшие»; слово *дзурд* «слово» – *дзурдтæ* «слова», но: */ дзырдтытæ / дзурдтитæ* «высказывания» и т.д.

Слова с конечным -æг в иронском и -æг, -уг в дигорском

В иронском в словах, состоящих из двух или более слогов с конечным -æг (суффикс), происходит выпадение æ в последнем слоге, конечный г переходит в аффрикату дж, а перед суффиксом множественности вставляется *ы*: *уасæг / уасджытæ* «петух, петухи»; *хæстæг / хæстæджытæ* «родственник, родственники»; *сынтæг / сынтæджытæ* «кровать, кровати»; *айнæг / айнæджытæ* «скала, скалы».

Исключение: *стæг / стджытæ* «кость, кости».

В дигорском в «...двух- и многосложных словах, оканчивающихся на -æг и -уг, при образовании множественного числа гласные æ и у выпадают, но перед показателем множественности вставляется гласная у, перехода г в аффрикату дж не происходит» [4, 48]: *мæсуг / мæсгутæ* «башня / башни», *фæрдуг / фæрдгутæ* «бусинка / бусинки», *уæйуг / уæйгутæ* «великан / великаны», *хæрæг / хæргутæ* «осел / ослы», *цæвæг / цæвгутæ* «коса / косы», *финсæг / финсгутæ* «писатель» и т.д.

Исключение: *уæраг – уæргутæ* «колени», *голлагæ – голлагутæ / голлагтæ* «мешок».

Кроме этого, в дигорском «...ряд слов на -æг и -уг, хотя и образуют множественное число со вставкой у, но при этом не теряют гласную основу: *кæрдæг / кæрдæгутæ* «трава / травы», *рæстæг / рæстæгутæ* «время / времена», *хæстæг / хæстæгутæ* «близкий / близкие; родственник / родственники», *фæйнæг / фæйнæгутæ* «доска / доски»» [4, 48].

Дигорскому конечному -уг соответствует конечное иронское -ыг.

В иронском слова с конечной -ыг образуют по несколько вариантов формы множественного числа: *хъæздыг / хъæзныг / хъæздыджытæ / хъæздзгуйтæ* «богач, богачи»; *хæндыг / хæндыджытæ / хæндзгуйтæ* «кадка с сыром в рассоле»; *мæлдзыг / мæлдзыджытæ / мæлдзгуйтæ* «муравьи». Примечательно, в таких новообразованных словах, как *боныг / боныгтæ* «дневник», *къæдзыг / къæдзыгтæ* «запястье», описанных выше преобразований не происходит.

Образование формы множественного числа некоторых слов не подчиняется перечисленным нормам: *рудзынг / рудзгуйтæ* «окно, окна»; *ус / устытæ* «женщина, женщины»; *куыдз / куыйтæ* (ср. в дигорском: *куй*); *хъуг / хъуццйтæ*.

В данном случае особого внимания заслуживает нетипичное образование множественного числа слова ир. *ус* / диг. *уосæ* «жена» и «женщина». В соответствии с нормами осетинского словоизменения мы должны были получить форму ир. *устæ* – диг. *уостæ*.

В.И. Абаев утверждает, что «...данное слово могло бы возводиться к протокорню *уацзā*, от которого ведийская форма “молодая женщина”, “жена”» [5, 20].

По мнению Э.Т. Гутиевой, «...в дигорском и иронском диалектах осетинского языка употребительны формы *уст-ы-тæ* | *уост-и-тæ* производящей основой следует считать не *ус-*, а *уст*. На это указывают эпитеза – согласный *-т-* в исходе корня – и гласный *-ы/-у-* между основой и формантом множественности» [6, 109]. Кроме этого, достаточно убедительны доводы автора о возможности наличия «...паронимической пары в осетинском *ус* и *уст* (исходя из ведийского *yoṣit* и **yaṣā*)» [6, 110].

Как в иронском, так и в дигорском диалекте осетинского языка при формообразовании множественного числа «...от существительных *мад* «мать», *фыд* «отец», *æрвад* «брат, сородич, однофамилец» перед суффиксом множественности вставляется слог *-æл-* ир. *мадæлтæ*, *фыдæлтæ*, *æрвадæлтæ* – диг. *маддæлтæ*, *фиддæлтæ*, *æрваддæлтæ*» [6, 110]. При этом в дигорском происходит геминация конечных согласных в основе этих слов. По мнению Н.К. Багаева, вставка *-æл-* представляет собой «...древний суффикс *-ар* (ср. с древнеиранскими – *matar* – мать, *pitar* – отец, *bhratar* – брат)» [3, 136].

«В древнеиранском основы на *-tar*, к числу которых относятся приведенные термины родства, в именительном падеже единственного числа не имели конечного *-r*: *mātā*, *pitā*, *brātā*. Но в именительном падеже множественного числа (а равно и в других падежах) выступал полный вид основы на *-tar* – *mātar*, *pitar*, *brātar*. Эта полная основа и выступает в осетинском в формах множественного числа» [7, 32].

Однако в дигорском диалекте мы наблюдаем появление данного форманта еще в ряде слов: *ностæ* – *ностæлтæ* (наряду с *ноститæ*) «невестки», *уосæ* – *уостæлтæ* (наряду с *уоститæ*) «жены», *ухст* – *ухстæлтæ* (наряду с *ухститæ*) «вертела», *хатт* – *хаттæлтæ* «раз / разы», *фест* – *фестæлтæ* (наряду с *феститæ*) «шерсть», *цигъд* / *цигъдтæлтæ* (наряду с *цигъдтитæ*) «сыр, сыры», *саст* – *састæлтæ* «обломок, обломки», *сугъд* – *сугъдтæлтæ* (наряду с *сугъдтитæ*) «горелый», *мест* / *местæ* / *местæлтæ* «сафьяновые мужские носки, тонкие сапоги».

Если в словах ир. *мадæлтæ*, *фыдæлтæ*, *æрвадæлтæ* – диг. *маддæлтæ*, *фиддæлтæ*, *æрваддæлтæ* вставку *-æл-* можно обусловить полным видом древнеиранской основы множественного числа в именительном падеже, то в ряде других примеров это затруднительно. Значительная часть этих слов представляет собой лексикализованные отглагольные причастия, скажем, *дзурдтæлтæ* от *дзорун* «говорить», *сугъдтæлтæ* от *содзун* «гореть», *рæдудтæлтæ* от *рæдуйун* «ошибаться», *кустæлтæ* от *косун* «работать».

Слова *фыдæлтæ*, *мадæлтæ*, *æрвадæлтæ* представляют собой форму собирательного значения множественного числа. Исходя из этого, можно предположить, что, возможно, таким же собирательным значением могли обладать и другие несохранившиеся *ностæлтæ*, *кустæлтæ*, *ухстæлтæ* и т.д.

Последняя фиксация данной формы множественности в речи носителей дигорского принадлежит А.Дз. Цагаевой в рамках диалектологической экспедиции в с. Озрек КБР в 1959 г. [8].

Однако диалектологические экспедиции, которые были нами проведены в период 2015-2018 гг. в места компактного проживания дигорцев, показали, что данная форма на сегодняшний день уже практически не употребительна.

Заключение

Таким образом, грамматическая категория множественности в дигорском и иронском диалектах осетинского языка, с одной стороны, проявляет себя достаточно регулярно (присоединение форманта множественности *-t / -tæ*), но в части позиционной закономерности существует определенная нерегулярность, которая заключается в том, что формант может быть присоединен как непосредственно к основе, так и к падежному окончанию. Кроме этого, можно говорить о множестве случаев дублетных форм множественности. К тому же некоторые формы множественности сложно объяснить с позиции современного осетинского языка.

В любом случае сосуществование подобных дублетных форм может быть отражением сложных языковых процессов различной хронологической глубины. Для современного дигорского важно оценить их статус, нормативность, предложить вид словарных помет при лексикографировании параллельных форм.

1. Гутиева Э.Т. Об эпитезе *-t-* в форме множественного числа в осетинском языке // *Kavkaz-Forum*. 2021. Вып. 6(13). С. 39–51. DOI 10.46698/VNC.2021.13.6.003.

2. Беляев О.И. Осетинский язык как язык с двухпадежной системой: групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования // *Вопросы языкознания*. 2014. №6. С. 31–65.

3. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. В 2-х ч. Орджоникидзе, 1965. Ч. 1. Фонетика и морфология. 487 с.

4. Таказов Ф.М. Грамматический очерк осетинского языка. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2009. 164 с.

5. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х т. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. Т. IV. 330 с.

6. Гутиева Э.Т. Семантические и стилистические основания морфологической дублетности // *Известия СОИГСИ*. 2021. Вып. 42 (81). С. 107–118. DOI 10.46698/VNC.2021.81.42.011.

7. Грамматика осетинского языка. В 2-х т. / под ред. Г.В. Ахвледиани. Орджоникидзе: СОГУ, 1963. Т. I. Фонетика и морфология. 364 с.
8. Цагаева А.Дз. Некоторые особенности озрекского говора. Орджоникидзе, 1959. (Отдельный оттиск из «Известий СОИИ». Т. 21. Вып. 4).

IRREGULAR PLURAL FORMS IN THE OSSETIAN LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF THE DIGORON AND IRON DIALECTS).

Tsallagova, Iskra N. – candidate of philological sciences, senior researcher, department of ossetian linguistics, V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0001-7844-8321>; czallagon@mail.ru

Keywords: *the Ossetian language, Digoron dialect, grammar, plural category, irregular forms of plurality.*

The article deals with the inflectional category of the plurality in the Ossetian language. Language material from the Iron and Digoron dialects is used for the analysis. The relevance of the problem under consideration lies in the fact that studying the category of number, especially irregular forms of plural that fall outside the framework of regular grammatical patterns, is of great importance not only for Ossetian linguistics, but also for the general theory of language. This study is the first attempt of a comparative analysis of irregular plural forms in the Iron and Digoron dialects of the Ossetian language, which defines its novelty. The purpose of this study is to determine the regularity/irregularity of plural forms in the Digoron and Iron dialects of the Ossetian language. In the work the following linguistic research methods were used: descriptive, comparative, and the method of internal reconstruction of dialect lexis in order to identify more archaic forms. The research material was the language material collected during dialectological expeditions undertaken by the author in 2015-2018-s. The study showed, that despite the fact that the grammatical category of number in the Ossetian language manifests itself quite regularly, there are a number of forms that fall outside the scope of morphological pattern. The irregular forms identified during the study are of particular importance for the diachronic study of the Ossetian language. Thus, now almost completely archaic forms of plurality with the insertion - æл (only Ir. мадæлтæ, фыдæлтæ, æрвадæлтæ / Dig. маддæлтæ, фиддæлтæ, æрваддæлтæ have been preserved), may be an indicator that this formant could represent forms of collective meaning for both dialects of Ossetian language (Dig. дзурдтæлтæ, цихтæлтæ, сугьдтæлтæ).

For citation: *Tsallagova, I.N. Irregular plural forms in the Ossetian language (based on the material of the Digoron and Iron dialects). KAVKAZ-FORUM. 2024, iss. 18(25), pp. 37-47. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.25.18.002*

REFERENCES

1. Gutieva, E.T. *Ob epiteze -t- v forme mnozhestvennogo chisla v osetinskom yazyke* [On the epithesis -t- in the plural form in the Ossetian language]. *Kavkaz-Forum* [Kavkaz-Forum]. 2021, iss. 6(13), pp. 39–51.
2. Belyaev, O.I. *Osetinskii yazyk kak yazyk s dvukhpadezhnoi sistemoi: gruppovaya fleksiya i drugie paradoksy padezhnogo markirovaniya* [Ossetian language as a language with a two-case system: group inflection and other paradoxes of case marking]. *Voprosy yazykoznanija* [Voprosy Jazykoznanija]. 2014, no.6, pp. 31–65.
3. Bagaev, N.K. *Sovremennyi osetinskii yazyk. V 2-kh ch.* [Modern Ossetian language. In 2 volumes]. Ordzhonikidze, 1965. *Ch.1. Fonetika i morfologiya* [Part 1. Phonetics and morphology]. 487 p.
4. Takazov, F.M. *Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka* [A grammatical essay on the Ossetian language]. Vladikavkaz, North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2009. 164 p.
5. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. V 4-kh t.* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. In 4 volumes]. Leningrad, Nauka, Leningradskogo otdelenie, 1989, vol. IV, 330 p.
6. Gutieva, E.T. *Semanticheskie i stilisticheskie osnovaniya morfologicheskoi dubletnosti* [Semantic and stylistic bases of morphological doublet]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2021, iss. 42(81), pp. 107–118.
7. Akhvlediani, G.V. (ed.) *Grammatika osetinskogo yazyka. V 2-kh t.* [Grammar of the Ossetic Language. In 2 vols]. Ordzhonikidze, North Ossetian State University, 1963. *T. I. Fonetika i morfologiya* [Vol. I. Phonetics and morphology]. 364 p.
8. Tsagaeva, A.Dz. *Nekotorye osobennosti ozrekskogo govora* [Some features of the Ozrek dialect]. Ordzhonikidze, 1959. *Otdel'nyi ottisk iz «Izvestii SONII»*. T. 21. Vyp. 4. [Separate reprint from «Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies», vol. 21, iss. 4].